

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

МЕСОПОТАМИЯ • ЕГИПЕТ • ГРЕЦИЯ • РИМСКАЯ БРИТАНИЯ
ИМПЕРИЯ ФРАНКОВ • СКАНДИНАВИЯ • РУСЬ
ВЕНЕЦИАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА • ИСПАНИЯ

Карина Кокрэлл

Легенды и мифы мировой истории

«Издательство АСТ»

2010

Кокрэлл К.

Легенды и мифы мировой истории / К. Кокрэлл — «Издательство АСТ», 2010

ISBN 978-5-17-066149-7

Хотите отправиться в путешествие во времени? Следуйте за автором этой книги, и вас ждет масса эмоций: вы переживете незабываемые приключения, примите участие в опаснейших путешествиях и испытаете роковые страсти. Самые значимые исторические события описаны таким увлекательным языком, что возникает полный эффект присутствия. Серьезная фактическая информация перемеживается с элементами исторического романа, и этот взрывоопасный микс приправлен сбалансированным соусом из куража и иронии. Эта книга о глупцах и мудрецах, о взлетах и сокрушительных падениях, о катастрофах и роковых совпадениях, о любви, предательстве, зависти и злобе, о силе и слабости человеческой, и, конечно, о нас, сегодняшних.

ISBN 978-5-17-066149-7

© Кокрэлл К., 2010
© Издательство АСТ, 2010

Содержание

От автора	5
Однажды между Тигром и Евфратом, или О первых цивилизациях в шутку и всерьез	7
Египет: царство благословенной стабильности	15
«Счастливейшая и божественная царица»	19
Троя: великая и странная война	29
Яблоко раздора	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

К. Кокрэлл

Легенды и мифы мировой истории

*Время эти понятия не стерло,
Нужно только поднять верхний пласт —
И дымящейся кровью из горла
Чувства вечные хлынут на нас.*

В. Высоцкий. Баллада о Времени

*И история становится книгой живых, как труба громогласная,
та, которая вздымает из гроба лежавших во прахе многие веки. Для
этого нужно только время.
Умберто Эко. Баудолино*

От автора

История, вообще-то, – учительница бездарная. Класс ее совершенно не слушает, а она, Клио, стоит в своем хитоне, покусывает стило, делает в классном журнале какие-то записи и словно не обращает внимания на ужасную дисциплину в классе. Знает, конечно, что будут потом нерадивые ученики обливаться холодным потом на экзаменах, но все равно выглядит безразличной, словно ее заявление об уходе уже лежит у директора. Установлено: народы ее уроки игнорируют и экзамены заваливают. И ведь объясняет она доходчиво, и многочисленными примерами все иллюстрирует, ан нет!

А что же отдельные личности? Способны ли индивидуумы усваивать ее уроки? И какова она, Клио, в качестве «приватного» репетитора, может ли научить чему-нибудь тет-а-тет?

Многие уже поняли: жизнь человечества изменяется только внешне, только в смысле технологий – каменный топор, локомотив, фотография, аэроплан, плазменный телевизор... А психологически, внутренне, мы – какими были тысяч десять лет назад, такими и остались, и только слегка поскреби ноготком – проступит все то же, что было и у испанцев шестнадцатого века, и у викингов, русичей, и у древних римлян, и у гомеровских греков. Или у совсем уж древних месопотамцев и египтян.

И как не согласиться с таким знатоком человеческой природы, имевшим возможность наблюдать ее на протяжении очень долгого времени, как мессир Воланд (отдавая себе полный отчет в вымышленности этого персонажа!), который однажды так выразился по одному небезызвестному поводу: «Ну что же... Они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это было всегда. <...> Ну легкомысленны... ну что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних»¹. И как созвучны оказываются эти слова князя Тьмы с теми, что приведены в совершенно уж противоположном источнике: «... что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: „смотри, вот это новое“; но это было уже в веках, бывших прежде нас...»²

¹ Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита.

² Екклесиаст, 1:9—10.

Уже вижу скептически прищуренные глаза современников и поджатые губы, выражающие, мягко говоря, недоверие к такому утверждению. Действительно: а как же прогресс, гуманизм, нравы, смягченные цивилизацией?

O tempora, o mores – «О времена, о нравы!» Так восклицал в отчаянии еще римлянин Цицерон по поводу современного ему общества, и нам кажется, мы понимаем, *что* он имел в виду³. А раз так, то, может быть, понятны станут нам и муки совести единственного в древнем Шумере человека, которого решили пощадить боги, как сказано в самой древней легенде о потопе, – понятны, хоть и случилось все это еще до «начала времен»? И окажется понятен страх Божественной царицы Нефертити перед неумолимой и неотвратимой старостью? И, возможно, не покажутся нам непостижимыми кошмары Менелая, мужа Елены Прекрасной, во время долгой, кровавой Троянской войны, и мы тогда поймем и простим виноватую перед всеми Елену? И, быть может, станет нам ясно, почему слабый монах Константин на далекой парижской улице девятого века нашел-таки в себе мужество встать в полный рост перед лицом варварской силы? И так ли уж непонятно будет нам, почему целый город травил чужачку, как это случилось в истории венецианца Марко Поло? И мы поймем позднюю любовь конунга Рюрика, с которого для нас и началась историческая Русь? И будут странно узнаваемы нами испанские ревнители веры с их убежденностью в том, что их понимание Бога – единственно истинное, и что жестокость и жертвы во имя достижения высшей цели, получается, оправданны?

Та самая Клио

Как нам, сегодняшним, ответить на эти вопросы? Не будем спешить, все далеко не просто.

В наших легендах мировой истории вымысел может показаться реальностью, а реальные факты – вымыслом, и высокая драма окажется рядом со скоморошным фарсом. В общем – так, как оно обычно и бывает в жизни, в реальности, в истории...

А впрочем – судите сами!

³ Кстати сказать, не всем известно, что повод к этому восклицанию был далеко не абстрактный – оратор требовал у Сената казни своего политического противника, а сенаторы не соглашались. Красноречие Цицерона, как видим, тоже не всегда убеждало.

Однажды между Тигром и Евфратом, или О первых цивилизациях в шутку и всерьез

На заре истории человечество кочевало. Кончался подножный корм, уходили, помахивая хвостами, к новым пастбищам дикие стада – тянулись за ними и люди. Однажды утром просто-напросто затапывали костры, собирали немудреный скарб, сажали в повозки орущих, невыспавшихся детей, и – вперед к новым пастбищам, новым землям, которые наверняка окажутся лучше и обильнее оставленных. Почему-то людям всегда казалось, что там, за краем земли, и трава сочнее, и стада тучнее. В общем, неугомонными оптимистами были. А как иначе?! Конечно, в дороге цивилизации не создашь. Они, однако, ни о какой цивилизации пока не задумывались и потому не очень из-за этого переживали. Вот так и кочевали народы с места на место совершенно независимо друг от друга – по Индии, по Китаю, по Северной и Южной Америке, по Ближнему Востоку, естественно, не догадываясь, как все это потом будет называться.

Но примерно в четвертом тысячелетии до нашей эры людей, кочевавших по тем местам, которые сейчас называются Ираном, Северной Сирией и Южной Турцией, стало томить какое-то странное, смутное желание – тоска, что ли... И не проходила она у некоторых склонных к рефлексии индивидуумов даже после сытного обеда: «Так ли живем? То ли делаем? Сколько можно скитаться?» Тем временем пришли они на берега двух рек. Одна была быстрая, другая – потише, поспокойнее. Остановились, огляделись вокруг. Земля между двух рек. Месопотамия. Что и значит «междуречье»⁴.

Хорошо! Зелено. Пища разнообразная в воде плещется, произрастает, летает и бежит. Распрямили мужчины усталые плечи. И решили, что хватит им дорог, везде уже были. Думается почему-то, что подбили их на такое решение женщины. И, скорее всего, беременные. Надоело ведь им таскаться со скарбом, детьми да повозками в поисках новой пищи – ни тебе помыться, ни детей толком обустроить. А каково рожать *в дороге*, когда повозку на ухабах трясет? А рожать *у дороги*, когда дело затягивается и есть опасность отстать от родного племени? Не знаем, как он выглядел, тот важнейший момент, и какие при этом говорились слова, на каком немислимо древнем языке, но, наверное, сказано было древней женщиной своему спутнику жизни что-то вроде: «Всё, приехали! Дальше никуда не пойдем. Рек рядом – аж две, воды вдоволь. Камней и глины вокруг для строительства – полно. Начинаем-ка, милый, строить какое ни на есть постоянное жилище во-он под тем раскидистым деревом, на котором побольше плодов и откуда вид покрасивее! А колосья можно и самим из земли растить, а не ходить за ними на край света. Вот я уж и зернышки припасла. Попробуем, а вдруг и получится?» Почесал милый в затылке и подумал, что в этом предложении подруги и вправду есть... рациональное зерно.

Не все, конечно, сразу решились на такой шаг. Не обошлось без консерваторов: «Не нами заведено, не нами и кончится. Деды-прадеды кочевали... Да где это видано, чтоб еду самим из земли растить! Как такое и в голову-то могло закатиться?!» Ну и как всегда: о разрушении вековых устоев, забвении традиций, неизбежной деградации... Возможно, и конфликты происходили на этой почве, и даже немалые. А возможно, сторонники традиционно кочевого образа жизни просто махнули рукой на этих безумных «экспериментаторов», бывших соплеменников, и пошли со своими повозками дальше.

А оставшиеся между тем бросили зерна в землю, огородили поля, скотину дику приручили. И хижины построили, да не кое-как, а покрепче, собираясь жить в них подольше. Деревни получились. Хотя деревни – это все-таки тоже еще не цивилизация.

Но, в общем, главные предпосылки для цивилизации в Месопотамии появились: люди уюмонились и обосновались на земле. Потом обнесли деревни свои стенами из камней, спокойнее стало спать по ночам, увереннее себя почувствовали. И о высоких сферах не забывали: посреди деревень устроили святилища – просить, чтобы боги послали приплода и им самим и стаду и здоровья крепкого да полных тяжелых колосьев побольше... Да мало ли чего нужно было у своих богов попросить и земледельцу, и скотоводу, дело-то – новое, рискованное. А через сотню-другую лет деревни эти разрослись, разбогатели и превратились в города.

И помогали древним месопотамцам боги Эллил, и Мардук, и Эа. И остальные небожители. И реки Тигр с Евфратом помогали – разливались ежегодно, оставляя в пойменных долинах ил, а он, может, и выглядел не слишком красиво, но ценность имел величайшую, ибо был наиплодороднейшим: воткни хоть палку – вырастет что-нибудь вкусное и полезное. И, понятно, результат: месопотамцы уже вскоре собирали столько зерна, сколько сейчас родит

⁴ Месопотамия – название, конечно, греческое, и намного более позднее. Как называли эту землю самые первые поселенцы, можно строить догадки, но с точностью узнать невозможно. Поэтому продолжим называть, как привыкли.

самое лучшее канадское поле, да еще и с использованием современных удобрений⁵. Вот какой был тогда ил Междуречья. Да что зерно, тут и орехи, капуста, чеснок, бобы, да мало ли... И рыбы в реках – видимо-невидимо, а еще и птица сама на поля слеталась – поклевать, тут ее, не теряясь, ловили и одомашнивали. В общем, как-то раз осенью все с изумленной радостью увидели, что образовался особенно большой *излишек продуктов питания*.

Вот с него-то все и началось! Ведь если что нашел или наловил, то и съел, и опять голодный, и при этом понятия не имеешь, найдешь ли что или наловишь, допустим, завтра на обед – какая же это цивилизация? Для нее нужна, во-первых, предсказуемость «пищевого потока», а во-вторых, как мы уже сказали, – излишки...

А раз получились во всем излишки – «на самотек» их оставлять никак нельзя. Хранить где-то надо, да еще и в соответствующей таре. Оберегать от любителей поживиться за чужой счет. Учитывать. Распределять. И так вот появилась целая армия людей, как-то незаметно подобранных к излишкам поближе – кладовщиков, стражников, изготовителей тары и замков и – бюрократов-счетоводов. Конечно же, тут как тут – и правитель. Он, думается, с самого начала обещал все распределять по справедливости, но потом как-то забыл и об обещании, и о том, что излишек-то – не его личная собственность, однако напомнить ему постеснялись, да и небезопасно было – уж больно многозначительно лежали тяжелые ладони накачанных стражников на рукоятках мечей (оружейники тоже появились).

Кстати, с излишком продуктов и творческая интеллигенция тут как тут. Пахать, сеять, пропалывать, выполнять другие сельскохозяйственные работы – их не дозовешься, а садятся они вместо этого в теньке, возводят глаза к небесам, мусолят стило или там, тростинку и, высунув от усердия язык, царапают что-то по глиняной табличке. Создают литературные произведения. Но, с другой стороны, пахарю, когда собран урожай, тоже хочется немного отвлечься и развлечься какой-нибудь историей, и нужно, чтобы историю эту кто-нибудь рассказал. Потому смотрели месопотамские крестьяне на интеллигентские чудачества сквозь пальцы: пусть себе царапают, в поле от них толку все равно никакого. А вот правители, хоть и не сразу, но должным образом оценили потенциал творческих работников для прославления своих великих дел. И царапать на табличках мастера– «стилисты» стали уже целенаправленнее.

Барельеф с крылатым быком

В общем, то там, то здесь стали возникать в Междуречье города, и, хотя дни были наполнены трудом, земля и скотина расслабляться не давали, но жить становилось и веселее, и сытнее. И почти каждый день что-нибудь можно было отмечать и праздновать: богов имелось много, да и частных праздников – новоселий, дней рождения, вообще поводов для шумного веселья случалось все больше. Но именно потому и надвинулись на Месопотамию события катастрофические.

Однажды встал и явился в совет богов злой, небритый и совершенно измученный недосыпанием главный бог Эллил. И блеснули над Евфратом молнии, загрохотала словно в медный таз гроза: «Больше так продолжаться не может! Людей расплодилось столько, что шум снизу,

⁵ Roberts, J. M., Ancient History, Duncan Baird Publishers, London, 2002, p. 83.

словно ревут тысячи быков! Всё, насылаю на них болезни – чуму, проказ у, тошноту и головные боли! Может, хоть это их успокоит».

Здесь надо заметить, что именно Эллил и создал некогда первых людей из красной глины. В общем, коль породил, то право имел и наказывать. В таком духе и высказался. А остальные боги – молчат. Согласны, что где-то он и прав, но понимают также, что, если не станет людей – никто не будет приносить им, богам, жертвы, благовония воскуривать, святилища строить. И тогда – как? Но авторитарный Эллил, любитель тишины, ничего и слышать не хотел. Наслал он болезни и уничтожил огромную часть человечества. Стало потише. Но лет через шестьсот все повторилось: опять слишком много стало людей на земле, и снова нарушили они божественный сон. Тогда Эллил опять взялся за свою «мальтузианскую»⁶ деятельность и наслал на людей голод. Страшный это был голод: люди почти вернулись в животное состояние, начался каннибализм, в живых осталось лишь несколько семей. Жертвы богам, естественно, никто не приносил, и святилища пришли в запустение, не поднимался дым от курильниц. А Эллилу хоть бы что – он теперь несколько веков высыпался. Но люди – они такие живучие, ничто до конца уничтожить их не может, впервые это оказалось замечено еще тогда. Размножились они и опять разбудили бога. Тут уж решил он действовать наверняка. Собрал совет богов «среднего звена» и сообщил им, что, хотя и нелегко это ему как руководителю, но должен он признать, что принял однажды неверное решение. И заключил публично: создание человека было его ошибкой, лучше бы из всей той глины сделал он еще парочку необитаемых, но приятных на вид, а главное, спокойных и тихих планет. А вот теперь ситуация явно вышла из-под контроля, и настало время радикальных мер: потоп, потоп, и только потоп!

Наверное, остальные боги, снова привыкшие к обильным жертвоприношениям, обменялись между собой многозначительными взглядами: мол, совсем из ума выжил, старый, что говорит-то, а! Потоп – это ведь самая радикальная мера. Тут уж даже живучему и изобретательному человечеству не выкрутиться. И решил тогда один из богов, Эа, действовать самостоятельно. И выбрал он в городе Шурупаке для выполнения своей миссии человека по имени Атрахасис (как мы скоро увидим, законченного эгоиста). Тот только что с работ вернулся и у очага присел, усталый. Жена на кухне разными кухонными предметами гремит, обед сооружает, а тут – сам бог Эа является им посреди хижины. В солнечном луче.

И говорит прямо-таки несусветное: чтобы сейчас же начал Атрахасис разбирать свое жилище и строить из него корабль. Причем сообщает бог человеку поразительно точные размеры будущего судна, а также дает рекомендации, обнаруживающие недюжинные познания божества в кораблестроении. И предписывает Эа разместить на корабле всю семью Атрахасиса, а также животных на выбор по паре. Атрахасис, конечно, на колени: «Не умею я корабли строить, да и материалов такую уйму где взять?!» Тогда бог ему объясняет, что дело, конечно, его, но земля вот-вот начнет покрываться такой толщей воды, что под ней скроются и города, и даже самые высокие горы. И люди погибнут все, так что только тот, у кого окажется корабль, построенный в соответствии с приведенными техническими характеристиками, получит шанс на спасение.

Делать было нечего. Да и говорящий солнечный луч не мог не произвести на Атрахасиса должного впечатления. Почему именно на него пал выбор бога Эа – не совсем ясно. Уклончиво сообщается, что был Атрахасис мудрым, но доказательств и примеров тому никаких не приводится.

Библейский Ной хотя бы вел праведную жизнь, когда окружающие погрязли в разврате и удовольствиях, что хоть как-то обосновывало уничтожение человечества. В Коране говорится, что Нух (тот же Ной) после сообщения Бога о планируемом потопе вообще из сил выбивался,

⁶ Томас Мальтус (1766–1834) – английский ученый, считавший, что рост населения следует ограничивать.

предупреждая людей и вместе, и поодиночке – о том, чтобы перестали грешить и становились на путь истинный, а они вместо того, чтобы слушать, «затыкали пальцами уши». Ну, тогда Нуху ничего другого просто не оставалось. Однако, заметьте, история Атрахасиса имела место так задолго до написания первых священных книг, что не только книг еще не существовало, но и папирусных свитков, а были только таблички из красной глины.

Что же сделал Атрахасис? Этот избранник богов поступил вот как: он сказал друзьям и соседям, что собирается уезжать. На поиски лучшей доли. Соврал, что, дескать, боги ему что-то здесь не благоволят последнее время (наверное, и глаза его при этом стали такие грустные-грустные, потому что врать убедительно он должен был уметь – может, за то Эа его и выбрал). Но нужна ему, Атрахасису, помощь друзей и соседей в разборке дома и постройке большого корабля, на котором он и уплывет. Особой любовью окружающих Атрахасис, похоже, не пользовался, ибо охотников помочь ему убраться подальше нашлось предостаточно. А может, просто соседи хорошие были? За помощь Атрахасис обещал им прекрасный пир, как только корабль будет построен.

Ознакомившись с размерами предполагаемого корабля, соседи-умельцы, думается, пристыдились. И пояснили, что ни в одной из рек – ни в Тигре, ни в Евфрате – не достанет глубины для плавания такого судна. Громадину эту и с места постройки до реки будет не дотащить. И вопросительно на Атрахасиса посмотрели.

Но Атрахасиса это совершенно не волновало. Мудрец-то знал, что с чем с чем, а с глубиной у корабля проблем не будет... И соседи возражать ему не стали. А может быть, задавать лишние вопросы считалось несовместимым с месопотамскими правилами хорошего тона? Неизвестно.

И вот смотрит этот Атрахасис, как пожилой сосед тащит для строительства вязанку тростника, как соседский малыш с ямочками на толстых щечках, улыбаясь ему беззубым своим ртом, несет какие-то щепочки, помогая взрослым... и сам – *ничего никому не говорит*. Молчит, зная, что и малыш этот, и все, кого он видит сейчас, – *обречены*...

...Пир «избранник богов» все-таки для помощников устроил, как и обещал. Прямо над бывшим его двором натянули парусину, поскольку в воздухе уже пахло грозой. Никто не заметил, что хозяин нервничает, да и что живности в округе тоже поубавилось. Но особого значения этому придавать не стали: может, животные дождь почуяли и попрятались – вон тучи какие лиловые надвигаются. В какое-то оправдание нашего героя надо сказать, что клинописные таблички упоминают-таки муки совести Атрахасиса:

И не находил он места себе во время пира,
И разрывалось сердце его так, что рвало его желчью.⁷

Но только ли от мук совести? Впереди ждали неизвестность и одиночество. И – перспектива общаться в обозримом и необозримом будущем только со своей семьей и ни с кем больше. Да еще и размножаться всем в таких условиях!

И теперь всю жизнь (а жить он будет вечно) станут преследовать его страшные сцены подступающей к горлу человечества воды: океана, захлестывающего города, а в ушах навсегда останутся отчаянные вопли обезумевших от ужаса людей, облепивших верхние площадки зиккуратов, мимо которых медленно и равнодушно проплывет его огромный ковчег.

Но это – потом, а пока шумел веселый пир. И тут люди удивились: Атрахасис и его семья, не дожидаясь конца пира, стали загонять по сходам на палубу судна всю свою скотину. Потом

⁷ Myth from Mesopotamia: Creation, The Flood, Gilgamesh, and others, Editor – Stephanie Daley, Oxford University Press, 2000, p. 31 (пер. с англ. – авт.).

попрощались со всеми, поднялись на корабль. А тот так и стоял на берегу. И тут пирующие, не прекращая изумляться, услышали изнутри глухие удары молотка: Атрахасис конопатил дверь. Ему бы тут открыть ее и крикнуть им, внизу, чтоб спасались! Может, еще успели бы что-нибудь... Не крикнул.

А в месопотамскую красную пыль свинцово упали первые крупные капли дождя...

Вода, естественно, потом сошла, и потомство Атрахасиса заселило всю землю. И все опять стало как прежде. Расследование Эллила по поводу утечки информации так ни к чему и не привело, «предательство» Эа не обнаружилось. И сдался верховный бог, ибо понял, что ничего даже ему теперь с человечеством не поделать. А может быть, просто нашел более надежный способ затыкать уши? Неизвестно. Но никаких мер по полному уничтожению человечества более не предпринимал. И опять внизу, на земле, воскурились благовония во славу богов, заревели у жертвенников украшенные цветами жирные быки, снова стало стремительно увеличиваться население. И продолжали строить в Междуречье великолепные города в то время, когда нигде в других землях их еще не знали.

Всем последующим цивилизациям развитие давалось уже несколько легче: можно было перенимать опыт. А вот первым всегда нелегко, всё – самим, всё – непроторенным путем, всё – методом проб и ошибок.

Слово «цивилизация» произошло, как известно, от латинского *civitas* – «город». Получается, раз появились города, появилась и цивилизация. Ну не чудесное ли, необъяснимое совпадение: тысячи лет – и ничего, а тут – на тебе, города! И где? В Месопотамии, в глуши... А потом пошло: почти каждое тысячелетие – по цивилизации, а то и по две. Египет (3100 г. до н. э.), Минойская цивилизация Крита (около 2000 г. до н. э.), потом, чуть попозже – Индия, Китай. Потом – Центральная Америка (около 1500 г. до н. э.). И, что еще любопытнее, все эти первые земные цивилизации зародились на территориях, располагающихся примерно на 30 градусах северной широты. И большинство из них возникло на берегах великих рек – Тигра, Евфрата, Нила, Желтой реки и Инда.

В Междуречье сменяли друг друга представители разных народов – одни приходили, видели, побеждали, другие бежали от несчастий, прибывали на заработки или же просто навещали знакомых и решали остаться. Семиты, хамиты, шумеры, вавилоняне, касситы, хетты, ассирийцы, потом персы, греки, парфяне, тюрки... «Иных уж нет, а те далече». А вообще, Месопотамия всегда была настолько густонаселенным и многонациональным регионом, что подробная демографическая опись находится далеко за рамками данного рассказа, тем более что выглядели эти народы более-менее сходно: в меру загорелые, не лишённые привлекательности, хотя и не очень высокие, с рельефными орлиными носами, темными волосами и глазами (правда, шумеры несколько отличались – мужчины предпочитали брить головы наголо и, судя по изображениям, были чуть более предрасположены к полноте). Так что для краткости будем всех их называть просто древними месопотамцами. Тем более что вышеперечисленные народы многое перенимали друг у друга в культуре и языках, да и обмен генофондом осуществляли охотно и постоянно.

Великий потоп (с гравюры Альбрехта Дюрера)

Почему одни народы называют цивилизованными, а другие – не так чтобы очень? Похоже, это – как любовь. Все знают, что, а объяснить не могут. Одни говорят: раз есть организованная религия и обучение юношества, значит, есть и цивилизация. Другие: что цивилизация – это только города, а там, где сплошная деревенщина, – цивилизации быть не может. Третьи: цивилизация – это письменность и запись исторических событий, четвертые – что это соблюдение правил личной гигиены и наличие чистых общественных туалетов, пятые – что это строгий учет всего и неукоснительно исполняемые законы, шестые – что цивилизация – это... В общем, все глубокоуважаемые мыслители напоминают мудрецов из старой суфийской легенды, которые разглядывали отдельные части слона и делали по ним выводы о том, что же такое слон, упуская из виду самого слона. Что же такое цивилизация, мы тоже, как и подавляющее своим незнанием большинство, со всей определенностью заключить не можем. Но, возможно, из всех наших легенд и историй этот вывод сделать сможет сам читатель...

До изобретения письменности вся история была – словно рот, забитый песком. Письменность – Величайшее Изобретение человечества – тоже, кстати, появилась именно в Месопотамии. И как, вы думаете, она появилась? Кто ее изобрел? Мудрецы? Жрецы? Правители?

Ничего подобного.

Вот как было дело.

В одном месопотамском городе подумали: чем каждому гончару иметь свою печь для обжига и постоянно с нею возиться, не лучше ли сложиться, построить одну для всех и приставить к ней особого человека, который и будет день и ночь ею профессионально заниматься?

Построили.

Приставили.

И каждый гончар стал привозить горшки и ставить в сторонке, стараясь, по возможности, не путать с другими. Ну, вы уже предвидите, что получилось: «Безобразие! Я тебе сколько оставлял горшков? Десять! А ты мне выдаешь – восемь. Где еще два горшка?! Ты что же, такой-растакой, не смотришь, тебя зачем сюда поставили?!» Ну и другие приличествующие ситуации неклинописные слова. А в ответ: «Я что тебе – жрец, прорицатель? Откуда я знаю, какие чьи! Мое дело – за обжигом следить, а уж с изделиями своими сами разбирайтесь. Я один, а ваших... этих... изделий... вон, гляди!» И «обжигатель» (или как там называлась его профессия) простирает руки к своему складу, а там – сотни одинаковых горшков.

Приходит гончар домой несолоно хлебавши, начинает опять в сердцах крутить свое колесо, думая о несправедливости и несовершенстве мира... И приходит ему в голову идея. Какая, вы уже догадались. В общем, на сыром еще горшке рисует он тростниковой палочкой, каких вокруг полно валяется, свое изображение. «Вот пусть попробуют теперь утратить!..»

Те же действующие лица – через пару дней. Обжигатель: «Ну вот, совсем другое дело. Молодец! Теперь-то уж никто на твои изделия не позарится. Хотя рисунок на тебя и не похож: у тебя нос длиннее и борода лохматее. Гончар ты, может, и хороший, а вот художник...» – «Молчал бы! Тебя сюда приставили не художественной критикой заниматься, а за горшками смотреть, чтоб не утянули. Так что с другими недоделками мои замечательные горшки – не путать!»

Так, попутно, родилась, возможно, и художественная критика.

Тут и другие гончары стали ставить клейма на свою продукцию, кто – себя изображал, кто – звездочки там или барашков, что кому глянулось. Горшков нужно было много, в них готовили, переносили, перевозили, хранили – в общем, использовали, как сегодня мы – ящики или чемоданы. А времени выводить картинку, когда горшков надо было изготавливать очень много, потом уже не было, потому картинки превратились в скорописные символы – клинопись. И «обжигатель» на бракованном сыром горшке тоже начал царапать – столько-то поступило от такого-то мастера, столько-то обработано и т. д.

Так что одновременно с письменностью родились в Месопотамии и математика, и бухгалтерский учет. Но на бракованных горшках писать было не слишком удобно, вот и стали делать специальные плоские глиняные таблички для письма. Но они стоили дороже, так что беднота и деревенщина по-прежнему царапала свои заметки на бракованных горшках.

Писать на глиняных табличках удобно: написал, потом смочил глину, стер написанное и опять наноси клинышки. Однако, если записывали что-то особенно важное, что требовалось сохранить для потомков, глину обжигали в печи.

Однако были и неудобства: таблички при падении бились, да и тяжелыми были, много не унести. Поэтому уже позднее египтяне разработали их «портативную версию» – папирус. Тогда и почту стало можно развивать, послания передавать из города в город.

Портативность – это, конечно, хорошо, однако противопожарные меры вследствие воспламеняемости папируса следовало соблюдать неукоснительно. А как тут уберечься, когда лампы масляные везде, факелы, да и военные действия в непосредственной близости от библиотек – вещь довольно обычная. А глиняные таблички, хотя и требовали особенно мускулистых почтальонов, от огня только крепче становились.

Благодаря им о жизни древней Месопотамии известно больше, чем о намного позднее живших кельтах или славянах – те, во-первых, не имели под рукой таких вечных материалов для письма, а во-вторых – обладали наверняка лучшей памятью, чем месопотамское население, так что записи делать не было им совершенно никакой необходимости. Проблема, где и как будущие археологи станут находить материал для диссертаций, их тоже не волновала: ищите, копайте, выдумывайте, сочиняйте.

Веселое было время – самое начало первой на земле цивилизации: года, поди, не проходило в Месопотамии, чтоб не изобретали чего-нибудь нового. Оно и понятно: что ни сделай – этого еще не было. В том числе – и бюро патентов и изобретений. Поэтому авторы тех замечательных открытий неизвестны, и гонимых их потомки не потребуют.

Но всё рано или поздно заканчивается.

Плодородные земли Междуречья за тысячелетия эксплуатации были полностью истощены, и, если бы взглянуть с высоты птичьего полета, зеленый цвет везде сменился желто-коричневым. А потом сухие пески погребли под собою и поля, и замечательные первые города древней Месопотамии.

Так что оставим теперь первую цивилизацию. Лиха беда – начало! Все самое интересное – впереди!

Египет: царство благословенной стабильности

Четыре с половиной тысячи лет египтяне были самыми счастливыми людьми на земле. Четыре с половиной тысячи лет порядок вещей был вечным и неизменным, стабильность – абсолютной. Три времени года – Разлив, Посев, Урожай. Божественный фараон, правящий Верхним и Нижним Египтом, а также Небом. Был он родственником главному богу Осирису и остальным богам, а, как известно, родственников не обижают. В большинстве своем были фараоны людьми для своего народа терпимыми, без садистских наклонностей или явного сумасбродства. Авторитарные правители, но не законченные тираны. Время от времени, правда, любили потаскать за вихры дикие племена на юге, чтобы показать, кто хозяин, на львов поохотиться в пустыне или с тростниковых лодок гиппопотамов копьями побить. Ну еще имели обыкновение жениться на дочерях и сестрах, что, конечно, вносило полную путаницу в родственные связи – гадали, наверное, отпрыски, как называть отца: папой или все-таки дядей? Но, с другой стороны, жена главного бога Осириса была также его сестрой, а это святое, да и

драгоценную царскую кровь разбавлять – бог солнца Амон-Ра разгневется, потом проблем не оберешься.

Города в Египте сильно отличались от месопотамских. В тех – шум, гам, торг, глашатаи, срываая глотки, читают царские указы... А вот у египтян в городах все было тихо и чинно, потому как в городской черте – только дворцы и храмы, и населяли их поэтому, в основном, правители и «служители культа», а народ жил поодаль, на природе, в небольших деревнях у реки. И даже знать предпочитала селиться в поместьях с видом на Нил. В города приходили на праздники или по какой-нибудь религиозной необходимости. Религия у египтян тоже была спокойная, практичная, домашняя, без пламенных пророков единственно истинного Бога, без фанатиков, без религиозной вражды. Да и как тут выбирать, когда богов – больше двух тысяч?

В нильскую воду стремительно, как торпеды, врезаются крокодилы, фыркают и нежатся огромные бегемоты, в прибрежных плавнях гнездится множество гусей, цапель и цесарок, на водопой приходят маленькие газели с глазами обиженных девочек, на полях колосятся злаки, в садах наливаются спелостью гранаты и виноград... Такое многообразие вокруг – как же с этим всем одному только богу управиться? Так, наверное, думал древний египтянин.

В общем, жизнь была довольно разнообразная. Да и страдания рабов, строителей пирамид, мы, скорее всего, сильно преувеличиваем, во всяком случае в египетских записях нет никаких сведений о том, что рабы возмущались, бастовали⁸, однако есть подробные списки, сколько пива подвозили им ежедневно, сколько вяленой рыбы и другой провизии, а также сколько тысяч женщин нанято было для стирки, готовки и оказания строителям пирамид других услуг. Правда, сохранилась одна древняя запись, что как-то раз мужественные строители возмутились: им не подвезли сурьмы для глаз, нечем стало «стрелки» рисовать. Археологи предполагают, что такой макияж, возможно, заменял солнечные очки, отражая яркое египетское солнце, но, возможно, строителям хотелось даже на работе хорошо выглядеть.

Чистоту не просто очень любили – боготворили. Постоянные омовения, постоянное мытье посуды и стирка одежды... Ради гигиены первыми в мире решили обрезать мальчикам крайнюю плоть, ибо, по мнению написавшего об этом Геродота, «предпочитали чистоту красоте». По причине любви к гигиене также не ели свинины, потому как свинью считали самым нечистым животным. Лечиться обожали. Врачей самых различных профилей в Египте было великое множество, и все они рекомендовали раз в месяц полное очищение всей пищеварительной системы.

К иностранцам египтяне относились подозрительно: эллинов считали варварами и всё, что соприкасалось с ними, нечистым, на что и посетовал тот же Геродот. И добавил еще, что «эллинские обычаи египтяне избегают заимствовать. Вообще говоря, они не желают перенимать никаких обычаев ни от какого народа».

Даже ветер в Египте, говорят, в те времена стабильно и постоянно дул только в одном направлении, только с севера на юг. Поэтому, если египтянин плыл вниз по течению, то и грести ему нужно было только слегка, а на обратном пути он ставил парус и обозревал живописные окрестности, что способствовало созерцательности и формированию философского отношения к реальности.

Правда, было все же за две тысячи лет египетской цивилизации (с 3000 по 1075 г. до н. э.) два периода разброда, вражеских вторжений и гражданских войн.

Но во время таких смут в дело вмешивались в итоге влиятельные жрецы – устраняли слабоватого фараона, подыскивали «сильную руку» и стабилизировали ситуацию. Очередной подходящий фараон с хорошо развитыми мышцами и четкой идеей нормализации обстановки неизменно появлялся. Сначала палкой в этой самой сильной руке он наводил порядок внут-

⁸ Хотя не исключено, что это предпочитали просто не афишировать в интересах поддержания имиджа стабильного государства.

ренных, а потом, с той же палкой, но уже на колеснице, – внешний. А рассказы о тех далеких страшных временах передавали потом египтяне из уст в уста в назидание юношеству. Дабы знали потомки, что будет с теми, кто отступит от древних традиций: начнется страшное Время Перемен⁹.

И оба эти периода вместе взятые длились где-то около двухсот пятидесяти лет, что в процентном отношении – совсем неплохой показатель стабильности по сравнению с бурной историей некоторых других стран мира. Остальные тысячу шестьсот лет в стране царили тишь да гладь.

И праздники в Египте любили. Вот, например, в священном городе Абджу (Абидосе) раз в год устраивали веселую и занимательную мистерию – по легенде об убийстве богом тьмы и зла Сетом брата своего Осириса с последующим воскрешением Осириса из мертвых. Так и видится: плывут по Нилу на лодках музыканты, певцы, слышится быстрый гортанный говор толпы на берегу, звучат аплодисменты, перестук кастаньет¹⁰, звон браслетов, смех. Медленно движется украшенная ладья с тронem под роскошным балдахином, и восседает на нем боже-ственно красивая женщина в очень узком красном платье – богиня Исида... В мистериях таких принимали участие и аристократы, и крестьяне – кто на стороне Осириса, кто на стороне Сета, на реке устраивалось потешное сражение и, наконец, усталые, довольные и мокрые египтяне расходились вечером по домам.

Древнеегипетские крестьяне были смуглыми и веселыми. Во время разлива Нила свободного времени у них была масса, и одни празднества сменялись другими. Селян окружала прекрасная природа, постоянно подпитывавшая воображение, так удивительно ли, что именно здесь такого уровня достигли прикладные искусства! Когда разливался Нил, казалось, что залит весь мир – словно острова в океане возвышались над водой города и деревни (все они строились на насыпных холмах). И делать народу было нечего – только сидеть и ждать, пока сойдет вода, и смотреть на небесный свод. Так попутно развивалась и наука астрономия.

А когда приходила пора сеять, даже за плугом и бороной ходить им было не нужно: просто разбрасывали по влажному илу семена пшеницы, ячменя, а потом прогоняли через поле стадо свиней, чтобы те втоптали семена в черный, жирный, теплый ил. Сами – только шли за стадом с хворостинкой, перебрасываясь шуточками.

Случались, правда, порой неурожаи, когда река приносила мало ила, но такое происходило редко.

И даже собственную смерть египтяне умудрялись праздновать. Для знатной семьи не было большего развлечения, чем пойти в выходной – посмотреть, как идет строительство семейной гробницы. Пока отец деловито инструктировал строителей и художников, а дети мутузили друг друга, ссорясь, кому достанется более расписной саркофаг, мать, глядя на их возню, только счастливо улыбалась: загробное будущее обещало быть замечательным. И после смерти египтяне собирались попасть в места, которые напоминали бы родные города и деревни, только уже у Реки Мертвых. Их загробный мир был залит солнцем, по воде там тоже сновали суденышки с богами и приплывали в гости родные с подарками. Идиллия...

Хотя Геродот сообщает об одном будоражащем факте, который наводит на мысль, что идиллическое египетское существование все-таки не обходилось без некоторых извращений: красивых умерших женщин, например, передавали бальзамировщикам только через несколько

⁹ Как раз во время второго периода и случилась цепь очень неприятных для египтян событий, произошедших в результате дискуссий Моисея и упрямого фараона, отказывавшего израильскому народу в праве свободного передвижения. События, как известно, помимо прочих, включали: превращение воды Нила в кровь, нашествие жаб и целого ряда отвратительных насекомых и, наконец, смерть всех египетских первенцев.

¹⁰ В египетских гробницах обнаружены деревянные кастаньеты, так что это – изобретение египтян.

дней, когда тела были уже хорошо тронуты тлением – в целях предотвращения имевших место отдельных случаев... совокупления «представителей обрядового сервиса» с особо привлекательными покойницами. Но Геродот был чужестранцем, к тому же эллином, информацию эту (сам признавался) получил от каких-то жрецов, имен которых не привел. А может, жрецы эти были не всем в Египте довольны, тайно диссидентствовали, а грек и рад был очернить Египет? Неспроста ведь недолюбливали в Египте чужаков...

Египтяне достигли своего идеала и менять ничего не хотели. От шумеров и вавилонян они знали, что на лошади или верблюде можно передвигаться верхом, но сами громоздиться им на спины не решались. Ни на фресках, ни среди росписей гробниц – ни одного египтянина на лошади. На осликах иногда ездили, когда очень уж уставали, но чтобы верхом на коня?! Помилуй, Амон-Ра, ни за что! Самое большее, на что их хватило, это запрячь лошадь в колесницу, да и то – только в стратегических целях. «Пращуры жили без этих глупостей, и мы проживем!»

Разливался Нил, оставляя в пойме плодородный ил и сочную зелень, приносили в храмах жертвы жрецы, перевозили по реке на крепких баржах статуи фараонов; в Фивах и Мемфисе скрипели стилем в храмовых школах ученики писцов; в укромных местечках собиралась ночью на планерки «организованная преступность» – расхитители гробниц, бич всех фараонов и знати; маршировали на плацу рослые нубийские гвардейцы в форменных набедренных повязках. И работала в пирамидах и мастабах¹¹ знатных египтян, к будущему услаждению не только заказчиков, но и преступных сердец презренных расхитителей гробниц, многочисленная армия художников и скульпторов. Они или стучали молотками по бронзовым зубилам, или тихо рисовали яркими красками двухмерные, спокойные, чуждые мирских страстей образы. Художники следовали раз и навсегда установленным канонам: никакой перспективы, никакой трехмерности, все изображенные смотрят только в одну сторону и шагают в одном направлении. И – чтобы никакого реализма и никаких резких движений, и во всех красивых миндалевидных глазах – только покой и удовлетворенность. Менять что-либо в канонах было опасно, да никто об этом и не помышлял.

Именно в этой неизменности и крылся секрет египетского счастья. И оно тоже было неизменным. Пока не появился фараон-еретик Ахенатон (Эхнатон), попытавшийся расшатать устои. Само ненавистное имя его потом проклинали, и от него отказались даже родные дети. Однако именно в его правление небывало расцвело египетское искусство. А новая столица фараона, город Ахетатон («Горизонт Атона», современная Амарна), была до самого разрушения ее возмущенным народом прекраснейшим из городов, какие когда-либо видел мир.

Женой Ахенатона была царица Нефертити – Совершенная Женщина. И мы знаем ее благодаря художнику – скульптору Тутмесу...

¹¹ *Мастаба* – ступенчатая египетская гробница.

«Счастливейшая и божественная царица»

Тутмес был силен. Он ударил сына неожиданно, тот не посмел остановить его руки. Сын выпрямился с горящей щекой и поглядел на отца с ненавистью. И Тутмес сразу пожалел о том, что сделал.

В углу мастерской валялась искусно сделанная статуэтка – колесница. Колесницей правила обезьяна – в короне Верхнего и Нижнего Царств. И рядом стояла другая обезьянка, поменьше, с женской грудью.

Тутмес немного успокоился. И сказал примирительно:

– То что ты изваял – оскорбление фараона и преступление; твоё счастье, что её нашел я. Сработано хорошо, обезьяны твои – как живые, но не трать талант попусту...

В стране Кемет¹² больше не казнили с пролитием крови, вместо этого преступников опускали на деревянных платформах в каменные колодцы, которые закрывали крышкой, и преступники умирали там от тишины, одиночества, истощения и безумия. Потом платформу поднимали, убрали останки, окатывали нильской водой пропитанные мочой, экскрементами и смертью доски и сажали на них следующего несчастного.

Сын молчал. Щека пылала. На полу в известняковой пыли валялись рассыпанные финики из опрокинутой тарелки. Тутмес понял, что сейчас обрел врага.

– Это то, что я вижу, – тихо произнес сын. – Ты сам говорил, что художник должен изображать вещи такими, какими их видит. Вот я и вижу их обезьянами.

– Мир держится на почитании фараона. Нефертити и Ахенатон дали нам все, что мы имеем.

– Вот оно что... Я-то думал, что ты просто слепец и не замечаешь ничего, кроме своих скульптур... А ты – продался. Я решил уйти от тебя, уйти из дома.

Тутмес молчал в глубокой задумчивости, а сын запальчиво продолжал:

– Как ты можешь?! Ты что, забыл? Племена хабри напали на наши земли с востока, и все знают, что наши военачальники молили о подкреплении, а что ответил *он*? Он послал им молитву богу Атону о том, что проливать кровь – противно человеческой природе! И войско было уничтожено. Наше войско! Только неожиданная смерть предводителя хабри спасла страну от полного завоевания. Племена из страны Асур¹³ могут снова напасть в любой момент. И мы не можем даже защитить себя.

– Не нам судить фараонов и военачальников. Они делают свое дело, а наше дело – работать зубилом.

– Я ухожу из твоего дома, отец. Я не хочу делать скульптуры для *них*. После смерти матери меня ничто здесь не держит, и я не хочу здесь оставаться, когда в твоей мастерской на меня смотрят *ее* глаза. – Он гневно метнул взгляд в угол. Там стояла на подставке каменная раскрашенная женская голова. И ее губы чуть улыбались. Царственный изгиб шеи, синий головной убор главной жены фараона... Казалось, она прекрасно слышит их разговор и именно потому улыбается.

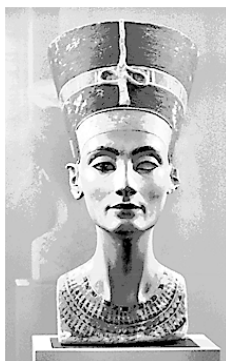
– Да, я говорю о тебе, проклятая обезьяна! – крикнул он каменной голове. – О тебе и твоём Ахенатоне, «Духе Атона», изменившем даже собственное имя, данное ему матерью!

Подросток уже кричал камню. Он был зол. Он ожидал, что отец будет просить его остаться. И его ранило, что Тутмес не стал этого делать.

Тутмесу захотелось еще раз хлестнуть его по щеке, чтобы остановить эту истерику. Но он сдержался.

¹² Одно из названий Древнего Египта. Дословно – «Черная», что происходит от цвета плодородного ила.

¹³ Совр. Сирия.

Знаменитый бюст Нефертити скульптора Тутмеса

– Сын, прошу тебя, замолчи, – сказал он тихо. – От куда у тебя все это? Тебя покарает Атон...

Подросток зло расхохотался:

– Как может покарать меня тот, кого нет?! Ты видел хоть одну его статую? Ах, изображать бога запрещено! Значит, ошибались все наши почитаемые предки. Ты хоть раз сам возносил молитву этому неведомому Атону, был хоть раз в его храме? Нет, обращаться к Атону может только семья фараона! А остальные египтяне должны молиться только самой этой семье. Больше нет храмов, кроме храмов Атона. И по улице нельзя пройти, не наткнувшись на бывших жрецов бога Амона-Ра – они просят подаяния, а священные жертвенные быки умирают от старости, потому что в храмах запрещено любое пролитие крови, в жертву – только дары земли! Я не боюсь гнева бога, который удовлетворяется горсткой гниющих на жертвнике гранатов и фиников! И теперь, из-за этой обезьяны, моя мать никогда не попадет в Поля Иару¹⁴, потому что сохранять тело теперь тоже запрещено! На улицах рядом со жрецами просят подаяния уважаемые бальзамировщики из Города Мертвых. Разве ты не видишь, что творится вокруг? Все мы после смерти превратимся в гнилые финики!

Тутмес молчал, и это еще больше распаляло сына.

– Любой мальчишка в школе писцов знает: если не бьешь ты, то бьют тебя! А ты... Ты никогда не любил мать. Она умирала, а ты ваял *эту*, день и ночь. Даже не был у постели матери, когда ее Ка¹⁵ вернулась в нее, а проводил все ночи здесь, с *этой*!

Отцу нечего было ответить.

– Ты – быстро забыл мать. Тебе вообще никто не нужен. Никто!

Сын замолчал.

Мгновение Тутмес боролся с желанием обнять его – в сущности, совсем мальчишку – взъерошенного, с горячей щекой, попросить у него прощения. Он тогда и вправду, словно одержимый заказом царицы Нефертити, совсем забывал о больной жене. Иногда, откладывая молоток, он слышал ее доносившийся до мастерской надрывный кашель, но она болела давно, и он привык к нему, как привыкают к скрипу двери.

– Я ухожу от тебя, – повторил сын.

– Куда же ты пойдешь, глупый?

– В Нут-Амон¹⁶, настоящую столицу. К Хабрамону, он звал меня в свой последний приезд к нам. Ахетатон – проклятый город. Хабрамон прав. Отсюда надо бежать.

Еще в начале тирад сына Тутмес понял, откуда ветер дует. Его брат Хабрамон был в Нут-Амоне жрецом храма Осириса, и теперь храм закрыли и осквернили, превратив в хранилище

¹⁴ Поля Иару – рай у древних египтян.

¹⁵ Ка – вечная душа египтянина, покидает тело в момент рождения и возвращается в момент смерти.

¹⁶ Нут-Амон – древнеегипетское название Фив.

зерна и плодов. Хабрамон приезжал в новую столицу Ахетатон, чтобы найти источник дохода, достойный своего прежнего статуса. Хабрамон знал, что Тутмес получает от семьи фараона много заказов, процветает. Бывший жрец имел преувеличенное представление о влиянии брата при дворе фараона и надеялся на его содействие. С Хабрамоном приезжала его прелестная дочь Тэя. Но Тутмес мог предложить брату только место помощника в своей мастерской – готовить камни, точить зубила. Расстались они враждебно. Хабрамон уехал возмущенный, даже не попрощавшись.

Приезд брата пришелся как раз на время, когда Тутмес был весь поглощен выполнением заказа Нефертити. Даже ел в мастерской. Теперь он понимал, что в словах сына есть доля истины. Действительно, жизнь в стране стала другой, непривычной. И люди не понимали, зачем нужно что-то менять, зачем нужен этот «единый истинный» Атон, когда был же Амон-Ра, прежний бог солнца. Старым богам продолжали молиться тайно, приносили жертвы – так, чтобы никто не знал, и просили у них прощения за то, что происходит в стране. Но так сильна была покорность фараону, вера в необходимость повиноваться ему, что люди старались притвориться верующими в странный диск – Атона, который был раньше только одной из сущностей бога солнца Ра.

Порой Тутмес вспоминал, как, еще подмастерьем, он проводил целые дни, рисуя тысячи и тысячи совершенно одинаковых воинов армии фараона, застывших в одной и той же позе – когда впервые ему пришлось ваять Амонхотепа III, отца Ахенатона, и Тэю, его «мудрую и божественную» мать, он сначала обрадовался, а потом понял, что радовался преждевременно. В этих изображениях все было рассчитано до мелочей: ему принесли специальное руководство, перечисляющие размеры изображений – их ушей, рук, ног, величины голов «высочайших статуй». Тутмес чувствовал себя ремесленником. Не художником, а чем-то вроде гончара – горшки большие, средние, маленькие, высокие, низкие... Лицо фараона не должно было походить на его настоящее лицо, требовалось обобщенное изображение, вселяющее в подданных сознание собственного ничтожества. Взгляд фараона должен быть обращен в вечность, и поза его – всегда одна и та же, – выражать только покой и ничего более.

При Ахенатоне все изменилось. Людей стало можно изображать такими, какими они были на самом деле. Новому фараону нравились работы Тутмеса именно за то, что статуи у него получались словно живые. Многие скульпторы и художники теперь старались работать в этой же манере, но лучшим все равно оставался Тутмес.

Во время приезда Хабрамона сын много времени проводил с ним и его дочерью. А после их отъезда озлобился, ошетинился, стал дерзок, невыносим. Тутмес даже почувствовал теперь облегчение – от того, что не надо будет больше жить с ним под одной крышей. Мысль, что сын чувствует себя ближе к Хабрамону, чем к нему, отцу, больно резанула, но быстро ушла, оставив саднящий порез. Погруженный в воспоминания, скульптор не заметил, как сын плюнул в каменную пыль на полу и вышел из мастерской.

А еще Тутмес подумал, что сын вскипел бы еще больше, узнав, что голову царицы отец давно закончил и отдал во дворец, а в мастерской стоит копия, сделанная им *для себя*. Слишком прекрасной и живой была эта каменная женщина, чтобы отпустить ее навсегда. Именно ее и ваял он, когда умирала жена.

Тутмес подошел к каменной Нефертити, провел рукой по ее лицу, приблизил к нему свое. Глаза царицы, полуприкрытые, словно в момент страсти, манили как живые. И Тутмес прижался вдруг губами к каменным, чуть припухлым, таким живым губам своего творения. Он понял, что сумел создать Женщину и Божество в одном образе. И понял, что сошел с ума.

Он вышел на воздух. В большом саду уже становилось темно, цикады смолкли.

Вдруг слышались тихие голоса.

Разговаривали его сын и служанка, молодая разбитная миттанийка Аихеппа. У нее была огромная грудь, как у многих женщин ее племени; считалось, что нет лучших кормилиц. Этот

народ погнало с севера воинственное племя хабри. Раньше фараон защищал своих союзников, но теперь все изменилось.

Сын со служанкой сидели, обнявшись, на траве у воды, за кустами вербены. Время от времени в их голоса вырывался крик далекой ночной птицы.

– Скажи, ты спала с моим отцом?

– Может, и спала, тебе-то что? Я не рабыня, я сама себе хозяйка.

– Ну ладно, какая разница... Я навсегда уезжаю в Нут-Амон. У меня там друзья, которым тоже не нравится то, что эти обезьяны сделали с нашей страной. Нас поддерживают жрецы Амона-Ра. Ведь, когда закрыли его храмы, они потеряли всё. Ты придешь в мою постель в последний раз?

– Чего я там не видала! А как же твоя прелестная сестренка, от которой ты без ума?

– Сравниваешь ее, воплощение Исиды, с такой сисястой миттанийской шлюшкой, как ты сама?

Аихеппа фыркнула, потом спросила:

– А что говорит о твоих задумках отец?

– Я ненавижу его так же, как фараона, а может, еще сильнее. Пусть хоть убьет меня. Он совсем сошел с ума. Как будто я не знаю, что он сделал вторую голову той шлюхи для себя!

Аихеппа засмеялась:

– Все-то у тебя шлюхи! Но я вот что тебе скажу: скоро только статуя от этой красавицы и останется. У меня подружка есть во дворце, тоже миттанийка, в услужении у Тадухеппы, одной из младших жен фараона, так вот она рассказала...

– Развелось вас, миттанийцев, что водяных крыс! И что она тебе рассказала?..

– Страна ваша – богатая, от вас не убудет. Ну так вот, кончилась у Ахенатона с первой царицей любовь. Сам знаешь: сколько лет, а она все одних дочерей рождает. Уже шесть. С червоточинкой красавица-то. А в опочивальне теперь в царицах другая его жена – Тадухеппа, тоже наша кровь, миттанийская. И уже – беременная. Уж эта ему точно сына родит.

– Так придешь ко мне?

– Нет, не приду. На Реке¹⁷ сегодня ночью весело будет. – Она понизила голос: – За городом в одной укромной излучине жрецы будут тайно праздновать воскрешение Осириса. Прямо под носом у жрецов нового бога! Разлив ведь скоро. Смотри, Звезда Собаки уже взошла¹⁸. Все боятся, что Река опять не принесет ила и не будет урожая, тогда – опять хлеба будет мало. И парни придут на праздник – не тебе чета. Повеселюсь.

Тутмес вдруг почувствовал озноб. Он вернулся в дом и попросил служанку принести вина.

* * *

...Нефертити еще не проснулась, но уже поняла, что этот проклятый сон – вещий.

Ей снилось, что она родила наконец сына. И все кричат: «Мальчик! Царица родила мальчика!» Она с замиранием спрашивает: «Правда? У меня... сын?» – «Сын! Сын, божественная царица!» И запеленатого ребенка уже подают Ахенатону. Она смотрит на лицо фараона, ожидая восторга. Но в его глазах – растерянность и ужас! Она сама берет на руки ребенка и... из свертка на нее смотрит уродливая, кривляющаяся обезьянья мордочка. Точно такая, какую она видела однажды, когда группу бродячих чернокожих шутов с верховьев Реки привели во дворец развлекать их семью. Вдруг обезьяна выпрастывает крошечную черную ручку с острыми когтями и, отвратительно вереща, начинает царапать ей лицо. Но она не чувствует боли, а на

¹⁷ Египтяне называли Нил просто Рекой или Великой Рекой.

¹⁸ Сириус. Его восход предвещал разлив и праздновался как начало нового года.

лице остаются не царапины, а морщины. Она смотрит на окружающих, и те вдруг начинают отдаляться. А Ахенатон смотрит на нее с невыразимым отвращением. И вдруг она видит свое отражение в большом серебряном зеркале на стене. И не сразу понимает, что это – она. Что это – ее отражение: подобное высохшей мумии, черное, само похожее чем-то на обезьяну. Это – она, земная богиня Нефертити...

Фараон Ахенатон и царица Нефертити с дочерьми. Древнеегипетское изображение

Нефертити села на постели, отбросив покров из тончайшего льна, теперь смятый и потный (последнее время она совершенно не переносила жары и сильно потела), и увидела, что солнце – уже высоко. За много лет она ни разу еще не проспала восход солнца, священное время для вознесения молитвы Атону. И муж не прислал за ней. Еще один дурной знак. Значит, Нефертити больше – не Божественная Жена¹⁹... Встав с постели, она подошла к огромному серебряному зеркалу на стене. Оно жестоко отразило раздавленные бедра, слегка отвислый после шести родов живот, ляжки, как у откормленной цесарки. И лицо. Отяжелевшее, «поплывшее», с очертаниями, потерявшими четкость, выразительность – припухлости старости в углах рта, мешки под глазами... Даже шея стала короче. В последнее время она нанимала лучших умелиц, чтобы смешивали ей самые дорогие мази и притирания – из толченой скорлупы крокодиловых яиц, масла кокосовых орехов и плаценты редчайших антилоп из верховьев Реки в Черной Африке. Но не помогало ничего. Боги умирают, не покрываясь морщинами. Значит, всё – обман. Она никогда не была богиней. Может быть, это потому, что она никогда не верила по-настоящему в Атона – Бога Единственного, Праведного и Лучезарного?

Из окна спальни, как на ладони, виден был священный и прекрасный город Ахетатон. Еще двадцать лет назад здесь была пустошь, а сейчас поднялись дворцы, облицованные белоснежным полированным известняком, храмы теплого, желтоватого цвета со стенами, покрытыми прекрасными росписями. Высились вековые пальмы, перенесенные сюда из оазисов, – некогда было ждать, пока вырастут посаженные вновь. Ахенатон хотел создать город-рай во славу Атона незамедлительно, теперь же. И он создал его.

Нефертити родила фараону шесть дочерей. И с рождением каждой дочери она видела, как мрачнее и мрачнее становится муж. Кто будет воплощением Атона после него? С этим фараон смириться не мог. Он посвятил свою жизнь Атону. Бог был для него более важен, чем его семья, чем вся страна, чем даже его жизнь.

Еще дед его Тутмос заронил первые зерна этой странной сумасшедшей идеи – о мире, в котором не будет крови, войн, насилия и зла, в котором племена перестанут ненавидеть друг друга и примут друг друга как братьев, молясь единому богу, дающему жизнь всему живущему – богу нового мира, в котором будут жить мудрые и добрые люди. И кто теперь как не он, владыка Верхнего и Нижнего Царств, правитель самого древнего и могущественного народа, может претворить эту великую идею в жизнь? Для этого нужно только, чтобы люди прониклись новой идеей, перестали поклоняться каменным и нарисованным идолам рек, урожая, небес, а стали бы поклоняться ему и его Божественной Жене, которую он избрал, а они-то вдвоем уж

¹⁹ *Божественная Жена* – официальный титул супруги фараона.

сделают все, чтобы Атон осенял их владения своим благословением всегда. Для этого нужны начала мужское и женское. Но мужское Божественное Начало более важно, ибо без него женское начало останется пустым и продолжение всего живого станет невозможно.

Последние годы Нефертити все явственнее понимала, что почитание единого бога сделало фараона одержимым. Если бы она знала слово «фанатик», она употребила бы его, но этого слова не было в ее языке, так как не было еще в нем и устоявшегося понятия единственно истинного бога, без которого не бывает и фанатиков.

Везде теперь красовался солнечный диск, протягивающий лучи-руки к изображению семьи Ахенатона. Изображения прежних богов уничтожались. Ахенатон приказал уничтожить изображения даже Амона-Ра, Осириса и Исиды, сколоть со всех надписей часть священного имени даже собственного отца, фараона Амонхотепа, чтобы и упоминания Амона не осталось нигде. Ему было уже неважно, что этим он обрекает отца на жалкое прозябание в загробном мире, ибо имя – священо, и, если хотя бы часть его нарушена, душу будет вечно жевать огромными желтыми зубами страшный Пожиратель – полулев-полугиппопотам. Все дни фараон проводил в храме своего бога – в святая святых, куда не мог быть допущен никто, кроме него, Нефертити и их дочерей.

Не стало прежних привычных праздников. Разрушались заброшенные храмы. Толпами пробирались везде оставшиеся не у дел жрецы развенчанных богов – Ахенатон резонно считал, что жрецы сосредоточили в своих руках слишком большую власть и богатства, и без колебаний отнял у них и то и другое.

А Нефертити теперь ненавидела свое тело, с каждым днем все больше терявшее признаки божественности. Не иначе, лежит на ней проклятие за недостаток веры в Атона: столько лет не родить мужу сына! И проклятие – не только на ней, оно лежит и на ее дочерях: Ахенатон, отчаявшись, сам взял в жены их дочь Меритатон и попытался зачать наследника с собственной дочерью, но тщетно. Нефертити знала, что так нужно, что это необходимо, но в такие ночи приказывала воскуривать дым сжигаемых семян Черного цветка, который растет только в истоках Реки, – этот дым сводит людей с ума, если вдыхать его слишком много. Если же немного – он просто прекращает всякие мысли. И хорошие, и тяжкие...

Словно в насмешку, у дочери тоже родилась девочка. Честолюбивая Меритатон страстно хотела стать Божественной Женой вместо матери, но после рождения девочки Ахенатон просто перестал считать ее супругой, и она опять стала только его дочерью. А Меритатон с тех пор почему-то винила во всем Нефертити и как-то раз бросила матери в лицо страшные слова ненависти, которые были словно прорвавшийся гноюм нарыв.

Нефертити видела и другие сны – в них прекрасная столица Ахетатон лежала в руинах. И просыпалась она одна – на одинокой теперь постели во дворце Мару-Атон. Этот дворец фараон построил для нее, когда-то Божественной Жены, а теперь – брошенной стареющей женщины. Теперь с ее мужем спит молодая ширококостная миттанийка с упругим телом, которая, говорят, уже понесла. Новая наложница в постели мужа – это много раз бывало и раньше, но все его египетские наложницы рожали одних только девочек. И ни одна из них не была для Нефертити угрозой – пока все молитвы в храме Атона она и муж совершали вместе.

Ужас от того, что все кончено, она пережила не тогда, когда муж не пришел к ней ночью, оставшись с миттанийкой. Настоящий ужас облил ее жаром именно в то утро, когда Ахенатон впервые не прислал за ней жрецов на ежедневную совместную молитву Восходу солнца. Не прислал он их и на следующий день и не прислал больше никогда. Она пришла к нему сама. Нефертити смотрела на ласковое, нежное лицо мужа, на чувственные губы, ямочку на подбородке – все такое знакомое, родное. Он подошел к ней, обнял, она рванулась к нему всем своим существом, а он поцеловал сочувственным, дружеским поцелуем и почтительно отстра-

нил. А когда она недоуменно спросила, что происходит, он ласково попросил ее уйти и отныне молиться Атону в своих покоех.

Теперь ей казалось, что даже рабыни относятся к ней с почтительным злорадством. Со стороны все выглядело как всегда, но она знала, что все – изменилось. Дочери ее не посещали. Да особенной близости с ними у нее никогда и не было. Они стали вечным напоминанием, что даже последняя крестьянка или рабыня, способная рожать сыновей, состоятельнее Божественной Нефертити.

Из всех своих дочерей она сразу полюбила только одну, Макетатон. Дочь умерла одной страшной ночью, не дожив даже до восьмого в своей жизни разлива Реки. Ее тело покрыли нарывы, она металась в жару и молила мать о помощи. Тогда Нефертити, просидев у ее постели без сна несколько ночей, впервые почувствовала бессилие и усомнилась в своей божественной природе и в милостивом боге Атоне.

Как скорбел тогда вместе с нею муж, какими родными и близкими стали они во время этой скорби! Однако Ахенатон отказывался удовлетворить ее самую слезную просьбу – забальзамировать дочь. Он просто посадил тогда жену перед собой, взял за руки и сказал: «Из Полей Иару не возвращался еще никто. Потому что никто там и не был. Это – глупые, отжившие предрассудки. Нам не нужно набивать тело соломой, а потом покрывать смолой дерева *бакк*, чтобы в тело вернулась душа. И Атон позаботится о душе того, кто никогда не сомневался в нем. Поверь мне».

А она больше ему не верила. Но молчала. И плакала, и жадно вдыхала черный дурмящий дым курений. Она писала на стенах своих покоев имя Макетатон и прикрывала написанное занавесями, чтобы не видел никто. Ибо имя произнесенное или написанное имеет огромную силу и будет услышано богами – так учили ее в детстве. Но ведь ее тело тоже истлеет, Ахенатон никогда не позволит себе отступить от принципов. Значит, не остается никакой надежды на встречу с дочерью в загробном мире. Нефертити перестала тогда есть и выходить из своих покоев. И обеспокоенный фараон все-таки приказал забальзамировать тело дочери. Боль в душе немного утихла. Но каким же образом ей самой остаться в вечности и встретиться с дочерью в Полях Иару. Как? Это мучило ее. И вдруг однажды осенило: вечность ей может дать ее изображение, как можно более близкое к реальности. А лучший ее портрет создал скульптор... Как его имя?

Она заглянула за колонну из слоновой кости, на которой стоял ее бюст. На камне было нацарапано: «Нефертити». И ниже, очень мелко – «Тутмес». Да. Теперь он должен изваять ее целиком.

Тутмес получил приказ явиться во дворец Мару-Атон.

* * *

... Знаком царица отпустила служанок:

– Подойди ко мне.

Он подошел. Ее веки были тяжелы от малахитовой туши.

– Скажи мне, веришь ли ты в Единого Истинного Бога Атона, мастер? – почему-то спросила она.

Тутмес молчал.

– Ты должен отвечать прямо и честно то, что думаешь, а не то, что хочется слышать Нам...

В полупоклоне, опутив, как предписывалось по этикету, взгляд к инкрустированному золотыми дисками белому мраморному полу, он заговорил:

– О Божественная, я верю в то, что мир не ограничен городами и деревнями по берегам Реки. Есть другие племена и другая жизнь. Среди нас теперь живут критяне, миттанийцы, о

которых раньше никто и не слышал. Меняются обычаи, меняется мир. Если мы будем меняться вместе с ним, Египет тоже будет продолжаться. Атон – бог нового, будущего мира. Я верю, что приход этого мира не сможет остановить никто.

– Ты думаешь, в новом мире не будет крови?

– Возможно ли без крови и боли даже рождение ребенка?

– Ты умеешь мыслить. Но ты не веришь в Единственного и Истинного Бога.

– Я...

– Молчи. Нам обоим известен ответ, не укутывай его в лишние слова. Веришь ли ты в Нашу божественную природу?

– Я боготворю Твою Божественную природу, царица.

– Подними глаза!

Он повиновался.

Она поднялась из массивного мраморного кресла и застыла, прямая, как копье. Встала так, что окно оказалось позади нее. Неуловимым движением расстегнула золотые застёжки белого платья, и оно упало на пол. Совершенно обнаженная, царица стояла перед Тутмесом, чуть приподняв подбородок.

Она ожидала его реакции. Если взгляд этого умного и талантливое человека наполнится восторгом и благоговением, значит, она Божественна несмотря ни на что. Если же нет...

Она смотрела в его глаза и ждала. Наконец сказала:

– Подойди! Я хочу, чтобы ты запомнил меня и изваял такой, какой видишь.

Тутмес подошел. Она стояла неподвижно, только напряглась ее маленькая грудь.

Это продолжалось всего несколько мгновений, но Нефертити показалось, что она прочитала в глазах скульптора ответ на свой вопрос. Хотя уверена все равно не была.

– Теперь – уходи.

Не отрывая глаз от женщины, пятясь, Тутмес приближался к выходу.

Последнее, что он услышал уже за порогом, это то, как Нефертити хлопнула в ладоши, зовя служанок.

Придя домой, он не нашел сына. Тот был уже на пути в Нут-Амон.

Аихеппа томно готовила трапезу. Тутмес смотрел, как она наклоняется, ставя кушанья на низкий столик, как натягивается синяя туника на сосках ее необъятных грудей. Он набросился на нее как голодный зверь. Столик с кушаньями перевернулся, бронзовые блюда загремели на каменном полу. Аихеппа была удивлена неожиданной страстью хозяина – обычно он редко ее замечал.

* * *

Река уже вышла из берегов и стала опадать, а Тутмес не оставлял своей мастерской. Несколько раз он разбивал почти готовую статую и начинал снова. Ничего не получалось. Божественное и человеческое отказывались сливаться в едином образе.

Статуя Нефертити скульптора Тутмеса

Тогда, во дворце, он не увидел в обнажившейся перед ним царице Божества, которое видел в ней раньше. Он увидел стареющее, хотя и все еще красивое тело много рожавшей женщины. И ее покрытое толстым слоем пудры лицо выдавало страх перед неизбежным увяданием.

Теперь он страдал. Он старался извять Божество, ведь этого ожидала *царица*, а руки его, словно не повинаясь воле разума, высекали *женщину*.

И, от отчаяния уже почти обезумев, Тутмес всем сердцем своим понял, что всегда любил ее. Любил и любит – и еще сильнее! – такой вот стареющей и оттого ставшей вдруг земной и понятной. Он закончил работу. И, взглянув на статую, вдруг испугался дня, когда царица придет за нею и ей откроется страшная для нее правда.

Измученный своими терзаниями, Тутмес лег спать. И умер. Спокойно. Во сне.

А на следующий день миттанийка Тадухеппа родила Ахенатону долгожданного мальчика.

Нефертити смотрела сверху на ликование столицы. К вечеру ей доложили, что доставлен ее заказ от скульптора. И когда ее двойника освободили из льняных пелен, Нефертити увидела, что получила от мертвого уже мастера ответ на свой главный вопрос. На мгновение она замерла. Попросила удостовериться, что на камне высечено действительно ее имя. Это немедленно подтвердили. Тогда царица приказала убрать из своих покоев все зеркала и удалилась. Больше она никуда не выходила, и яства, что приносили ей, оставались нетронутыми. А потом, по ее просьбе, еду перестали приносить вообще.

...Дни шли, и ей стало очень хорошо: есть не хотелось, боль ушла. Ее тело словно стало легче пуха, она чувствовала себя божественно бесплотной. И у нее не было больше никаких желаний. Кроме одного – увидеть Макетатон.

И однажды утром она увидела: дочь весело вбегает в ее залитые светом покои!

Нефертити почувствовала прилив сил и села на кровати: ведь она всегда знала, знала, что увидит ее опять! И обе они рассмеялись от счастья.

Служанки застыли в ужасе, услышав из покоев Нефертити одинокий, призрачный, нечеловеческий смех.

Маленькая умница Макетатон легко взяла ее своей ручонкой за пальцы, помогла подняться и потянула за собой – туда, в пространство, залитое солнечными лучами. И Нефертити радостно пошла за ней – действительно чувствуя себя Божественной и Счастливейшей.

Всего через несколько лет фараона Ахенатона найдут в его дворце мертвым, и смерть эта очень многим покажется странной. Но доискиваться истины не станут. Фараона забальзамируют и похоронят с большими почестями и тщательным соблюдением всех старых обычаев.

С ним умрет и культ странного Единого и Истинного Бога Солнечных Лучей с его запретом на пролитие крови и провозглашением всеобщего братства мудрых и добрых людей. Родившийся от миттанийки мальчик изменит имя Тутанхатон, данное ему отцом, на Тутанхамон – во славу старого бога Амона, восстановит храмы Осириса, Тота, Птаха, Исиды, Амона-Ра, вернет и всех остальных близких египтянам богов и прикажет уничтожить все надписи с именем отца. Этот приказ с удовольствием исполнят. В Фивах, Абидосе и других городах продолжатся праздники Осириса, жертвоприношения «чистых», украшенных цветами быков. Вечность и неизменность, казалось, вновь, вернуться на берега Реки.

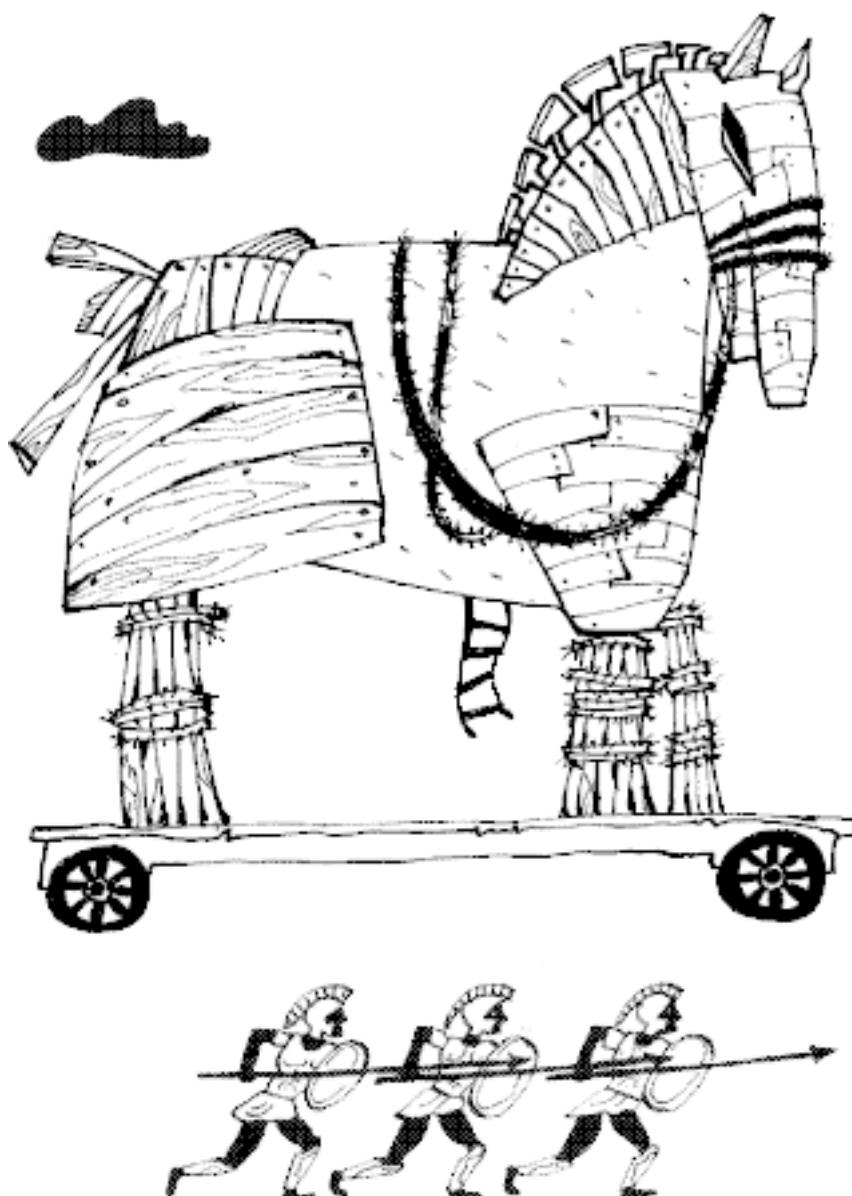
Но начнется-таки Время Перемен – начало заката старой, жившей своей замкнутой и счастливой жизнью страны Кемет. Вторжения кочевников, бунты рабов, наводнения, неуро-

жаи. Великолепные столицы занесет неумолимый песок, и останутся только огромные разрушающиеся пирамиды в выжженной желтой пустыне и истлевшие в погребениях мумии. И – живое, прекрасное изображение женичины с чуть прикрытыми, словно в страсти, глазами. Творение безумного Тутмеса, подарившего смертной – бессмертие.

Троя: великая и странная война

*Мы, оглядываясь, видим лишь руины.
Взгляд, конечно, варварский, но верный.*

И. Бродский

«...Мудрым является тот, кто не заботится о похищенных женщинах. Ясно ведь, что женщин не похитили бы, если бы те сами того не захотели. По словам персов, жители Азии вовсе не обращают внимания на похищение женщин, эллины же, напротив, ради женщины из Лаке-демона собрали огромное войско, затем переправились в Азию и сокрушили державу Приама»²⁰.

Так, вполне ясно, высказался когда-то Первый историк. И мыслил он весьма резонно. Ведь поведи себя эллины подобно персам, плюнь они на похищенную жену Менелая – и не было бы той странной, кровавой, глупой и прекрасной Троянской войны, не было бы гомеровских «Илиады» и «Одиссеи», тысячелетиями цитируемых, изучаемых, представляемых, пародируемых, так что, странное дело, но и сегодня живет троянская легенда и обрастает все новыми подробностями.

²⁰ Геродот, «История». Книга первая «Клио».

Да. То, что предприняли тогда эллины, не перестает изумлять даже самую воинственно настроенную публику и сегодня. Из-за похищенной – правда, весьма привлекательной – жены спартанского правителя собирается вдруг многотысячное войско, несколько лет строится и оснащается тысяча огромных боевых галер, и эллины (они же ахейцы, они же данайцы) осаждают «крепкостенную Трои». И длится эта осада не месяц, не два, а десять долгих лет. В военные действия вовлекается вся Эллада, народы Малой Азии, а полагают, что и Финикии, и Месопотамии. Так «непропорциональная военная реакция» (по выражению современной прессы) переросла, по сути, в... *самую первую* мировую войну. Что же это за безумие накатило вдруг на гармоничных душой и телом греков из-за красавицы по имени Елена?

Долгое время думали, что все это – сказки, что слепой Гомер сочинял и пел по тавернам для заработка и развлечения тех слушателей, которые не могли позволить себе ходить по театрам. А потом нашелся энтузиаст, Генрих Шлиман (одни считают его удачливейшим археологом, другие – мошенником и авантюристом, третьи – всем вместе), и копал-копал, да и раскопал-таки на берегу Геллеспонта²¹ развалины крепостных стен большого и богатого города, разрушенного страшной войной и пожаром. И, словно из рассыпанных кусочков мозаики, сложилась вдруг картинка: ну точь-в-точь все, как описал Гомер. Все удивительно сходилось и тогда, когда Трои начали раскапывать уже по-настоящему, профессионально. Так и узнали, что величайшее произведение европейской литературы, диктантами из которого учителя мучили еще Александра Македонского и Юлия Цезаря, было не досужей выдумкой слепого певца, а создавалось на основе событий реальных. Хотя какая разница? Раз читаем и верим, значит – было!

А ведь произведение это – более чем неподходящее для включения в список литературы, предназначенной юношеству. Сами посудите: человеческие жертвоприношения, пагубные страсти, воровство, предательство, сумасшедшая одержимость, культ силы и пропаганда весьма откровенно описанного насилия, в том числе и над женщинами. Особенно потрясает то, что творится по ходу повествования на божественном Олимпе: бабские, простите, склоки между богинями, угрозы расправы, жестокость и отрицание авторитета самого верховного бога Зевса. Интересно, а как чувствовали себя древние греки, зная, что в руках таких вот, извините, капризных и распушенных небожителей находятся их судьбы? Возможно, этим и объясняется их фатализм...

Ах, Троянская война! Неотразимо привлекательные доспехи, шлемы с конскими хвостами, стройные мужские ноги из-под боевых кожаных мини-юбок, «Гнев богиня воспой Ахиллеса, Пелеева сына»...

И вот уже тысячелетия не утихают споры: кем же она все-таки была – первопричина этой войны, Елена, женщина, из-за страсти к которой погибло столько людей и был разрушен могучий, богатый город.

Бездушной авантюристкой, погнавшейся за красивым любовником и богатствами Трои и бросившей всё, даже малолетнюю дочь? Или было ей хоть какое-то оправдание?

Представьте, что садимся мы на теплых камнях троянских развалин на турецком теперь берегу.

Солнце только что село. Цикады верещат. Покой разлит в воздухе.

Готовы? Тогда я, певец, ударяю по струнам воображаемой кифары.

²¹ Древнегреческое название Дарданельского пролива. *Геллеспонт* – «Море Геллы». По преданию, царская дочь Гелла упала в это море, летя в Колхиду на необычном летательном средстве – волшебном золоторунном баране. Она и ее брат спасались от злой мачехи, а у Геллы над проливом, скорее всего, кружилась голова.

Яблоко раздора

Троянской царице Гекубе, будущей матери Париса, во время беременности приснился однажды сон, что рождает она факел, который сожжет их город. Мальчик появился на свет хорошеньким и здоровым, но их полоумная старшенькая – Кассандра – задрожала, забилась вся и стала лопотать, что младенец погубит и всех их, и Троию. И это еще больше укрепило Гекубу в суеверных опасениях.

Кассандра была когда-то нормальной девицей, целомудренной и весьма красивой. Настолько красивой, что понравилась самому Аполлону. И настолько целомудренной, что на все попытки бога познакомиться с ней в более интимной обстановке отвечала вежливым, но решительным отказом. Распаленный ее сопротивлением Аполлон понял тогда, что ничего не получится, и от оскорбленного мужского самолюбия придумал довольно жестокую «божественную» месть. Он наделил Кассандру даром предвидения, но наказал ее при этом всеобщим недоверием ко всем ее пророчествам. И вот ходила Кассандра, отягощенная невыносимой тяжестью знания Будущего, потихоньку сходила от этого с ума и умоляла всех прислушаться. Но все – только отмахивались. Интересно, однако, что отец и мать ей насчет Париса поверили и, скрепя сердце, приказали рабам унести новорожденного на гору Иду и там оставить.

Тут-то все и начинается.

Мальчика находит пастух, жена которого как раз родила мертвого ребенка. У нее полно молока, и она вскармливает Париса. Хорошенький мальчик подрастает, усердно пасет коз, носится с собаками. И не подозревает, чей он на самом деле сын и какая уготована ему участь.

И вдруг в один жаркий полдень видит он под тенистой оливой трех высоких дам – в красивых тонких белых одеждах и явно не из здешних мест²².

И подзывают они его знаками. Ну, поначалу он струхнул, однако послушаться не посмел, ибо одна из них имела внушительные бицепсы и опиралась на копье. И протягивает ему та из них, что постарше, золотое яблоко, на котором какие-то непонятные знаки нацарапаны²³, и просят они его ни с того ни с сего отдать это яблоко той, которая, с его точки зрения, самая из них привлекательная.

Надо отметить, что этот вопрос они уже задавали Зевсу, но даже главный бог Олимпа уклонился от прямого ответа, а яблока этого ужасного и касаться не стал! И то сказать, вопрос – опасный. Определять, кто же самая что ни на есть красавица – жена или одна из дочерей, даже Зевсу показалось делом слишком рискованным, потому Громовержец от этого чреватого крупными неприятностями судейства благоразумно уклонился. Может быть, сказав при этом что-нибудь вроде: «Да все вы красавицы, будет глупостями-то маяться, делом бы занялись!»

Тогда подкараулили они юного Париса, ничего пока не ведавшего об опасных противоречиях женской психики. И теперь за ответ на этот вопрос в ее пользу одна дама (та самая, серьезного вида, с копьем в руке) обещает ему мудрость и военную славу, другая (самая старшая, но все равно еще красивая) – власть над всем миром, а третья (и самая ничего себе, в тугом на округлой груди пеплосе) – сулит красивейшую на земле девчонку в жены и глазом подмигивает. И как же он им объяснит, что конкурс этот красоты – нечестный у них получается: ведь не самую красивую из них ему выбирать придется, а самое привлекательное из предложений!

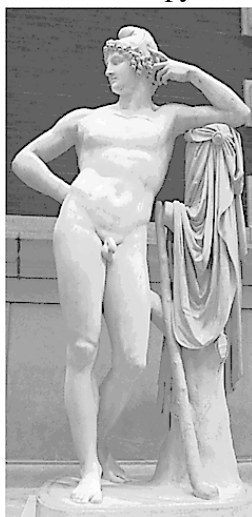
Дамы впились в него глазами. А он давно уже понял, не маленький, что не простые это смертные. И не хочется ему ни одну из них обидеть, да и страшно – не знает, чего от них

²² Это были три богини – Гера, жена Зевса, и его дочери Афина и Афродита.

²³ Слово на яблоке, что Парис не мог по неграмотности прочесть, было: *Καλλιστη* – «Прекраснейшей» (греч.).

ожидать, особенно от той серьезной, с копьем. Но потом он решает: власть над миром и военная слава – и то и другое ему, пастуху, вроде как-то без надобности. Мудрость – скучно. А вот от девчонки он бы не отказался! Сжал он в руке золотое яблоко, аж ладонь вспотела. Парису – шестнадцать, и настоящей девчонки у него пока еще не было. Вот возьми он и протяни яблоко той симпатичной, что девчонку пообещала, да еще и самую красивую. Афродита, довольная, захохотала, а остальные дамы с вытянувшимися сразу лицами растворились в воздухе.

Можете представить себе состояние Геры и Афины! Какой-то глупый троянский мальчишка совершенно разрушил их уверенность в собственной внешности и поселил комплексы! А для дам любого возраста неуверенность в собственной привлекательности – это, простите, очень и очень серьезно. В общем, у этих двух оскорбленных богинь Олимпа складывается в головах такой силлогизм: Парис – обидел, Парис – троянец, следовательно, троянцам – не жить! Афродита же (сама, между прочим, тоже давно не ребенок, кое-какие едва заметные морщинки у глаз уже наметились!) нога на ногу пьет на Олимпе нектар и самодовольно вокруг поглядывает. И нарочито громко смеется и отчаянно с мускулистыми богами кокетничает. А те и рады! Каково же Гере и Афине на эти ее выкрутасы смотреть?

Парис (Музей Метрополитен, Нью-Йорк)

Прошло несколько месяцев. Парис об этом случае в лесу уж и забыл давно, хотя девчонка кое-какая обнаружилась: потерял он невинность с юной лесной нимфой по имени Энона. Однако красавицей ее Парис никак бы не назвал, да и к тому же ее постоянный хохот по поводу и без повода вскоре стал его раздражать. Однако, коль обещали ему самую красивую на земле женщину, так он и ждет, а между тем особенно на эти мысли не отвлекается, занимается своими обычными делами (иначе от отца влетит) пастушеского сына: за стадом бегает, как и бегал, волков камнями да палками отгоняет, а в том процессе развивается физически. И вот однажды приходит он из своей горной деревушки в Трою – принять участие в каком-то спортивном состязании. Говорили, сам царь будет это состязание смотреть.

Сначала – бег. Выходит Парис на старт, занимает позицию. Зрители переглядываются, причем не только нетрадиционной древнегреческой ориентации, но и вполне традиционной – тоже: «Хорош-то как пастушок!» Посмотрели друг на друга и царь Трои Приам со царицей Гекубой: «Уж не наш ли, больно для пастушеского сына пригож?» – «Да что ты, старый, – вытирает навернувшуюся слезу мать Гекуба, – нашего-то сыночка уж давно волки съели, ведь ночи не сплю, все думаю: а ну как ошиблась Кассандрочка?» Но потом подзывают они юношу и его отца-пастуха, а старик – бух им в ноги, и выясняется, что все обстоятельства совпадают: найден голеньким, в хорошей пеленке, на горе Иде и тэдэ и тэпэ – «Прости, царь, рогатый Фавн попутал!».

Тут – всеобщая радость, о пророчестве никто и не вспоминает. Найденного царевича родители сразу отправляют принять ванну и, на свою беду, берут во дворец. Брат Гектор сразу начинает учить его вешам, необходимым для юноши благородного, – владению мечом, верховой езде, стрельбе из лука. Ну, стрельба из лука – куда ни шло, он еще пастухом себе лук смастерил, чтобы волков отгонять, а вот к фехтованию у него – никакой склонности, да и доспехи нежные места натирают, жарко в них, неудобно. Конечно, Парис рад несказанно, что оказался царским сыном: во дворце хорошеньких девчонок-рабынь – видимо-невидимо. И все же ни одна из них не поражает до глубины души его требовательного воображения. Напротив, чем больше он с ними развлекается, тем больше не хватает ему высокой и светлой любви с поистине прекрасной партнершей. И досадует он, что не спешит Афродита выполнять обещанное...

Могущественная Троя, где и развернулись дальнейшие события, находилась на самом западе современной Турции, на азиатском, естественно, берегу, а как раз напротив ее, в Элладе, был город Аргос. И правил там могущественный царь Агамемнон. Мужчина средних лет, сложен как бык – рослый, широкогрудый, голос громовой, затылок выразительный. И, как водится, привык он к беспрекословному повиновению окружающих, неважно, боги они там, герои или еще кто. Представления его о мире тоже были просты, как скобленный стол. Он просто хотел им править, и если уж не всем, то, на худой конец, хотя бы Элладой. Останавливаться, не достигнув желаемого, он не привык. И являлся этот грозный царь Агамемнон не кем иным, как мужем Клитемнестры (имена эпические, длинные и звучные!). Не иначе, в будничном, домашнем обиходе супруги адресовались друг к другу, используя некие укороченные версии имен – не повторять же их по нескольку раз в день полностью!

К счастью уж или наоборот, виделась Клитемнестра со своим Агамемноном отнюдь не часто: сколачивание империи требовало от мужа отлучек частых и долгих. У брата его, Менелая, глобальное мышление было развито в гораздо меньшей степени, но оба они прославились как отличные бойцы, и связываться с ними мало кто в Элладе рисковал – себе дороже. Тем более что к Агамемнону слетались всякие искатели приключений и легкой наживы, из которых он сколотил себе немалое войско. Так что Агамемнон уже несколько лет только тем и занимался, что учил повиновению мелких окрестных царьков, и не без успеха. А к правителям посильнее применял более дипломатичные методы, привлекая их в союзники. В любви был прям, как древко копья, то есть понравилась хорошенькая пленная девица – разговор у него с нею короткий: умастилась чем боги послали, и в койку. При этом он полагал, что его труднопроизносимая жена Клитемнестра ни о чем не догадывалась. Закончится все это для него в итоге очень плохо. Но он об этом не думал.

А теперь представьте его реакцию, когда он узнает, что у брата похитил жену какой-то троянский недоделок. Так Аид²⁴ бы с ней, с братовой бабой, но тут вопрос, извините, агамемноновско-атридской²⁵ чести: «Сдается, он хотел нас обидеть!» Оставлять такое безнаказанным – не в характере грозного Агамемнона! У него глаза застилает красный туман, ноздри раздуваются, он взрывает копытом песок почище Минотавра и грозно мычит.

Как там все получилось с похищением Елены – не знает никто и никогда не узнает. Говорят, не обошлось без содействия богини любви Афродиты. Она, мол, поскольку обещала Парису, то и толкнула Елену в его объятия. И та, охваченная страстью к прелестному экзотическому принцу, начала совершать необдуманные поступки...

А началось все так.

²⁴ Аид – в древнегреческой мифологии одновременно и подземный мир мертвых, и его бог.

²⁵ Атрид – отец Агамемнона и Менелая, поэтому братьев называли Атриды. Так что полное имя грозного царя было бы примерно таким: «Агамемнон Атридович Аргосский» (так как резиденция его основная находилась в городе Аргосе). Мемнион значит «упорный», Агамемнон – «очень упорный», так что имя было у царя самое что ни на есть подходящее.

Отправил троянский царь Приам своих сыновей Гектора и Париса для установления дипломатических отношений со спартанским царем Менелаем, братом могущественного Агамемнона. Менелай принял их радушно. Попировали, заключили ряд взаимовыгодных соглашений о сотрудничестве. А посреди пира Менелай получает вдруг известие, что на Крите скончался его горячо любимый дедушка Катрей, и потому отплывать надо срочно. Спартанский царь извиняется перед гостями, делает все необходимые распоряжения, чтобы проводили их достойно, снабдили достаточным количеством амфор со всякой снедью и питьевой водой, а затем сердечно прощается и отплывает сам.

И что же наши троянские «дипломаты»? Они тоже отплывают через пару дней. Но – захватив при этом прелестную жену гостеприимного царя. Автоматически разрывая тем самым все достигнутые со Спартой дипломатические отношения и договоры.

Кто-то говорит, что Елену обманули и действительно похитили самым коварным образом, и что она отбивалась и плакала, но они были сильнее. Однако лишь немногие этому верят: уж слишком хорош был влюбленный Парис, чтобы всерьез от такого отбиваться. В общем, версии самые разные. А один поэт, Стесихор, вообще договорился до того, что никто Елену не похищал, а перенесла ее Афродита в Египет, где Елена на протяжении всей Троянской войны честно дожидалась мужа, а в Трою та же богиня отправила с Парисом *призрак* Елены. Ну, такую совсем уж неправдоподобную версию мы принимать не будем. Потому что с этим Стесихором, говорят, вот как получилось: опубликовал он о Елене какую-то очередную бульварную гнусность и – вдруг ослеп. То есть еще утром все было хорошо, а к вечеру – натывается на углы и голосит от ужаса. А ночью является к нему во сне сама Елена и, укоризненно качая величественной прической, грустно так ему говорит: «Что ж ты, борзописец и подлец эдакий, пишешь обо мне всякие гадости? Неужели недостаточно меня в грязи вываливали, один Еврипид чего стоит, „Троянок“ настрочил – клевета одна, а тут теперь и ты? Нехорошо. А я, между прочим, единственная дочка Зевса Громовержца²⁶». Повинился Стесихор: «Прости, богиня, дурака старого! Не буду, не буду, никогда не буду!» – «Ну то-то же!» – якобы сказала ему Елена, и наутро он прозрел и написал приведенное выше опровержение. Ну, теория стесихоровская ни в какие троянские ворота не лезет уже потому, что Парис за десять лет жизни с Еленой как-нибудь, наверное, разобрался бы, с призраком он спит или нет.

Хотя и говорят, что именно вследствие Троянской войны французы и сложили поговорку «шерше ля фам» – «ищите женщину» (как первопричину любого конфликта), нам представляется это отражением галльского, излишне романтического представления о действительности. Надо отметить, что ходили упорные слухи: мол, Парис похитил не только Елену, но и большое количество принадлежавшего Менелаю имущества из спартанской казны. Об этом так прямо у Гомера и говорится, без всяких экивоков, хотя списка похищенных предметов наряду со списком кораблей слепой аэд не приводит, а жаль.

Интересно, что «дипломаты» троянские сразу домой не поплыли, а завернули сначала на остров Краная (где, как говорит легенда, Парис наконец-то добился своего от Елены), а потом отправились в финикийский Сидон и даже в Египет. Погоню, видать, со следа сбивали.

Как только дело это получило всеэлладскую огласку, в Трою отправляется делегация. Во главе с Менелаем и «хитроумным» Одиссеем – с призывом к троянской царствующей фамилии вернуть все украденное законному владельцу, который уже едва себя сдерживает. Неужели Менелай действительно надеялся, что Парис ему Елену и имущество отдаст? Точно знал ведь, что нет. Так зачем же ездил, унижался? А мы думаем, вот зачем: решение осадить Трою все равно давно уже было принято, и Агамемнон собирал в Авлиде флот, а целью визита был визу-

²⁶ По преданию, матерью Елены была прекрасная Леда, которую в облике лебедя соблазнил сам Зевс (у Зевса от всех остальных его захватывающих романов с земными женщинами рождались только мальчики). По другой версии, Леда вообще снесла яйцо, из которого и вылупилась Елена. Но нам кажется, что тут греческое мифотворчество со своей птичьей метафорой зашло слишком далеко.

альный сбор стратегической информации – о высоте стен, численности гарнизона, количестве катапульт и так далее.

Менелай

А Троя, надо сказать, была городом богатейшим, ибо стояла она на перекрестке важнейших морских торговых путей, и оседали тут ценности огромные – одно гомеровское описание мраморного дворца Приама чего стоит! Даже если сделать скидку на эпическую гиперболу – пятьдесят комнат, не считая залов тронного, оружейного, а еще подсобных помещений, кухни, наконец. Внушительно, что и говорить! Ведь большинство царей Эллады только назывались громко – «цари», а жилища их и стиль жизни в описываемые времена были не слишком приятательны. Ну разве что мебель получше качеством, чем у большинства подданных, осветительных треножников побольше, портьеры поинтереснее вышиты и беспризорные козлята по дому не скачут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.